

К.Н. Серезкина*

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ**

Статья посвящена проблемам законодательного регулирования и квалификации укрывательства преступлений. Рассматривая укрывательство особо тяжких преступлений в рамках понятия прикосновенности к преступлению, автор обращает внимание читателей на несовершенство нормативного определения укрывательства, а также трудности, связанные с применением данного состава преступления на практике. В целях преодоления названных недостатков предлагается возможный вариант совершенствования уголовного закона.

Проблема прикосновенности к преступлению не получила должного отражения в современной науке уголовного права. Отчасти отсутствие научного интереса к этой проблеме объясняется тем, что по действующему уголовному законодательству недонесение о преступлении полностью декриминализовано, укрывательство постигла частичная декриминализация, а попустительство ограничено лишь областью проявления служебных преступлений. Среди ученых-юристов зародилось сомнение относительно перспектив развития этого уголовно-правового института. А.В. Наумов замечает, что «прикосновенность к преступлению» является проблемой существования в Особенной части УК РФ одной статьи и в связи с этим исчерпала себя как институт Общей части уголовного права [1. С.315].

Между тем норма права и тем более правовой институт – это не следствие импровизации, не произвол, а результат действия большого числа факторов различной природы: материальных и формальных, социологических и идеологических, исторических и актуальных [2.С.90]. Очевидно, что становление и развитие такого нормативно-правового образования, как «прикосновенность к преступлению», обусловлено рядом факторов. Прежде всего, это обстоятельства криминологического характера – широкая распространенность в действительности такого криминального явления. Следует согласиться с Г.Л. Кригер, которая указывает, что, несмотря на исключение прикосновенности из Общей части УК, вряд ли правильно считать, что данный уголовно-правовой институт исчерпал себя. Ограничения в правовой регламентации прикосновенных к преступлению деяний не означают их исчезновение из

---

* © Серезкина К.Н., 2006

Серезкина Ксения Николаевна – кафедра уголовного права и криминологии Самарского государственного университета

реальной жизни [З.С.396]. Следовательно, сохраняется необходимость изучения социально-правовой сущности прикосновенности к преступлению, отграничения прикосновенности от соучастия, выявления специальных видов прикосновенности в статьях Особенной части УК.

Одна из наиболее опасных форм прикосновенности, способствующая совершению особо тяжких преступных деяний, – это заранее не обещанное укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ). Укрыватель, активно помогая преступнику в его стремлении избежать уголовной ответственности за содеянное, способствует безнаказанности виновного лица, препятствует осуществлению правосудия и подрывает принцип неотвратимости уголовно-правового воздействия.

Под укрывательством преступлений применительно к ст. 316 УК следует понимать заранее не обещанное сокрытие преступника, средства или орудия преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, которое совершено лицом, не принимавшим участия в основном преступлении в качестве исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника.

В литературе традиционно выделяется четыре возможных предмета укрывательства: средство совершения преступления; орудие совершения преступления; следы преступления; предметы, добытые преступным путем.

Возможно ли укрывательство потерпевшего от основного преступления?

В силу того, что диспозиция ст. 316 УК является простой, перечень предметов укрывательства определяется через понятие пособничества, закрепленное в ч. 5 ст. 33 УК. Однако пособничество в известной своей части представляет собой заранее (до начала совершения основного преступления) данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления или предметы, добытые преступным путем. На соответствующем этапе подготовки к осуществлению преступного деяния фигура потерпевшего подчас еще не определена. В то же время при укрывательстве преступлений (в смысле прикосновенности) ситуация иная. Здесь уже существует конкретный потерпевший, который выступает одним из основных источников информации о совершенном преступлении и может стать свидетелем преступного посягательства [4]. Это означает, что «успешное» сокрытие преступления и (или) лица, его совершившего, нередко напрямую зависит от сокрытия самого потерпевшего как возможного разоблачителя совершенного преступного посягательства.

До недавнего времени закон не связывал понятие потерпевшего с категорией укрывательства, и в литературе этот вопрос не обсуждался. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. УК был дополнен статьей 127 «Торговля людьми», где одним из способов совершения указанного преступления было названо укрывательство. Конечно же, укрывательство как деяние, связанное с торговлей людьми (ст. 127), необходимо отличать от заранее не обещанного укрывательства как вида прикосновенности (ст. 316). Если в первом случае укрывательство есть одна из альтернативных форм торговли людьми, совершенной в целях эксплуатации человека, то во втором – это сокрытие от пра-

восудия совершенного преступления и его субъекта, причем такое сокрытие может иметь место только после выполнения состава основного преступления. Тем не менее, законодатель своим нововведением подталкивает к утвердительному ответу на ранее поставленный вопрос о возможном укрывательстве потерпевшего от основного преступления как вида прикосновенности к этому преступлению.

Случаи сокрытия потерпевшего с целью воспрепятствования осуществлению правосудия, на наш взгляд, могут быть признаны самостоятельной разновидностью укрывательства. На обязательность названной цели при укрывательстве потерпевшего указывает несколько обстоятельств. Прежде всего, расположение нормы об укрывательстве в гл. 31 УК «Преступления против правосудия». Кроме того, само значение термина «укривательство» трактуется как сокрытие чего-либо [5.С.678], следовательно, укрывательство как вид посягательства на интересы правосудия при отсутствии указанной цели невозможно. Своеобразным «квалифицированным» видом укрывательства потерпевшего от основного преступления может выступать по действующему УК убийство с целью скрыть другое преступление (п. «к» ч. 2 ст. 105).

С учетом сказанного можно констатировать наличие ряда оснований для признания укрывательства потерпевшего в целях воспрепятствования осуществлению правосудия самостоятельной разновидностью укрывательства.

Долгое время отечественное уголовное законодательство не признавало отношения родства между лицом, совершившим основное преступление, и его укрывателем в качестве обстоятельства, исключающего ответственность за рассматриваемое преступление. Лишь в 1993 г. из круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за укрывательство, были исключены супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. В действующем УК аналогичное положение закреплено в примечании к ст. 316.

При всем своем положительном потенциале это нормативное предписание не лишено недостатков. В доктрине правильно отмечается, что примечание к ст. 316 не в полной мере учитывает право на «иммунитет» тех лиц, которые хотя и не состоят с участниками основного преступления в браке или родстве, но связаны с ними близкими отношениями иного характера: «Гуманнее и логичнее было бы исключить уголовную ответственность за укрывательство не только близких родственников, но и других лиц, для которых судьба укрываемого преступника небезразлична в силу сложившихся личных отношений» [6.С.343]. Прежде всего, речь идет о лицах, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство [7]. Принимая во внимание, что совместное проживание и ведение общего хозяйства подразумевают высокую степень близости между людьми, это обстоятельство может, на наш взгляд, служить основанием, исключающим уголовную ответственность указанных лиц за укрывательство преступлений.

Действующий УК устанавливает ответственность за заранее не обещанное укрывательство лишь особо тяжких преступлений. Не ставя под сомнение обоснованность уголовно-правового запрета в отношении именно этой категории преступлений, хотелось бы отметить, что входящие в нее преступ-

ления различаются между собой по уровню общественной опасности. Это различие становится очевидным при сопоставлении верхних пределов санкций в виде лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений. Анализ закона показывает, что 40% особо тяжких преступлений, предусмотренных в нем, наказываются лишением свободы на срок не более 15 лет, тогда как 39% – содержат санкции в виде лишения свободы сроком до 20 лет или более строгое наказание. Очевидно, что преступления, входящие в последнюю из названных категорий, характеризуются более высоким уровнем опасности, что могло бы послужить основанием законодательного деления особо тяжких преступлений на две группы и, соответственно, основанием возможной дифференциации ответственности за укрывательство преступлений в связи с необходимостью эффективного противодействия особо тяжким преступлениям террористического характера.

Анализ судебной практики применения нормы об укрывательстве свидетельствует, что суды допускают ошибки при квалификации этого общественно опасного посягательства. Одной из наиболее распространенных ошибок, допускаемых судами при применении рассматриваемого нормативного положения, является возложение уголовной ответственности за укрывательство на лиц, преследующих цель сокрытия совершенного ими другого преступления.

Так, Першин и несовершеннолетний Клоков, встретив ночью на улице ранее незнакомую им Л., пригласили ее в гости. Во время совместного распития спиртных напитков Клоков и Першин предложили Л. вступить с ними в половую связь, а когда та отказалась, стали угрожать ей групповым изнасилованием, а затем поочередно совершили с ней насильственные половые акты. Клоков разбудил находившегося в квартире Абышева и предложил ему изнасиловать потерпевшую. Тот согласился и совершил с Л. насильственный половой акт.

После этого Першин, опасаясь, что потерпевшая может обратиться в правоохранительные органы, нанес ей удар ножом в шею, а затем задушил шпагатом. Клоков снял с трупа украшения из золота. Затем Клоков и Першин сложили в пакет норковое пальто потерпевшей, украшения, пейджер, которые впоследствии продали.

Утром Клоков и Абышев вынесли труп из квартиры и спрятали его в колодце теплотрассы, в который выбросили нож, одежду и документы потерпевшей.

По приговору суда Клоков осужден по п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ, п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ст. 316 УК РФ и Абышев – по ч.1 ст. 131 УК РФ и ст. 316 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ прекратил уголовное дело в отношении Клокова и Абышева в части, касающейся их осуждения по ст. 316 УК РФ, указав следующее: “Укрывая труп, вещи погибшей и орудие преступления, осужденные прежде всего скрывали свои преступные действия, тесно связанные с убийством. Сокрытие ими следов преступления являлось средством собственной защиты от обвинения в совершении изнасилования и кражи.

При таких обстоятельствах в действиях Клокова и Абышева отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 316 УК РФ» [8.С.12].

Другой пример. Верховным Судом Республики Северная Осетия – Алания Дегоев был признан виновным в разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору, а также в заранее не обещанном укрывательстве особо тяжкого преступления – убийства, сопряженного с разбоем, при следующих обстоятельствах. Хасиев, Дзугаев и Дегоев, предварительно договорившись между собой о совершении нападения на гр-ку Панцулая с целью хищения имущества, привезли ее в безлюдное место. Хасиев и Дзугаев, нарушив предварительный сговор, решили при совершении разбойного нападения убить потерпевшую. Реализуя задуманное, Хасиев стал разговорами отвлекать ее внимание, а Дзугаев набросился на нее сзади и задушил. Убедившись в том, что потерпевшая мертва, Дзугаев, Хасиев и Дегоев завладели ее имуществом и поделили его между собой. После этого Дегоев активно способствовал сокрытию следов преступления, хотя заранее не обещал этого.

Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая дело в надзорном порядке, указал следующее: «Как видно из приговора суда, Дегоев совершил в отношении потерпевшей преступление – разбой, однако в ее убийстве не участвовал, но принял меры к сокрытию этого преступления, совершенного другими лицами. Осуждая Дегоева за данные действия, суд не учел, что он укрывал не только совершенное другими лицами убийство, но и свои действия в отношении потерпевшей, а потому был заинтересован в сокрытии обоих преступлений. При таких обстоятельствах в действиях Дегоева отсутствовал состав преступления, предусмотренный ст. 316 УК РФ» [9.С.9].

Подобные ошибки в квалификации содеянного обусловлены неправильным пониманием юридической природы заранее не обещанного укрывательства как вида прикосновенности к преступлению. Деяния прикосновенных всегда связаны с совершением преступления *другими лицами*. Это означает, что прикосновенность к собственному преступлению уголовно ненаказуема. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ: «Действия лица по сокрытию следов преступления, когда эти действия по существу являются средством собственной защиты от обвинения (в том числе и в другом преступлении), не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ» [10.С.14].

Сложности при квалификации укрывательства возникают и в случаях, когда лицо, совершившее укрываемое посягательство, не может быть привлечено к ответственности в силу того, что общественно опасное деяние было совершено в состоянии невменяемости.

Вопрос об ответственности за укрывательство деяния, совершенного невменяемым, был предметом рассмотрения Верховного Суда РФ по делу Машковой. Фабула дела такова. В школу, директором которой была Машкова, пришла за своей дочерью Кунгурова. Уединившись с дочерью в библиотеке, Кунгурова нанесла ей многочисленные побои, от которых та скончалась. Узнав об этом, Машкова предложила Кунгуровой скрыть факт насилия, а затем

Семенов по просьбе Машковой скрыл следы преступления. Подсудимая Кунгурова была признана судом невменяемой. Машкова же была осуждена за подстрекательство к укрывательству по ст. 33 и 316 УК РФ.

Заместитель председателя Верховного Суда РФ внес протест, в котором поставил вопрос об отмене приговора и прекращении уголовного дела в отношении Машковой за отсутствием в ее действиях состава преступления, так как ст. 316 УК предусматривает ответственность за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, а Кунгурова совершила не преступление, а общественно опасное деяние. Однако Президиум Верховного Суда РФ оставил протест без удовлетворения, указав, что совершенное Кунгуровой общественно опасное деяние предусмотрено п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК и за заранее не обещанное укрывательство такого деяния, как и за укрывательство любого другого особо тяжкого преступления, наступает уголовная ответственность по ст. 316 УК РФ. То обстоятельство, что впоследствии Кунгурова была признана невменяемой в отношении инкриминируемого ей деяния, не может влиять на оценку действий Машковой [11.С.11-12].

В данном случае Верховный Суд РФ прибег к чрезмерно расширительному толкованию закона, что, на наш взгляд, представляется неверным. Согласно решению Верховного Суда РФ уголовно наказуемым признается уже не укрывательство преступления, а укрывательство общественно опасного деяния невменяемого. Однако ни в законе, ни в теории уголовного права ничего не говорится о прикосновенности к предусмотренному статьями Особенной части УК деянию, совершенному в состоянии невменяемости. Довод о том, что признание лица, совершившего основное общественно опасное деяние, невменяемым не влияет на правовую оценку действий прикосновенного лица, противоречит юридической природе прикосновенности, поскольку между основным деянием и прикосновенностью к нему существует неразрывная связь. Как уже отмечалось, прикосновенность всегда связана с совершением преступления другими лицами, поэтому если нет преступления, то невозможна и прикосновенность к нему.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что в настоящее время квалификация укрывательства вызывает у правоприменителей определенные трудности. Последние обусловлены тем, что данное общественно опасное посягательство не всегда рассматривается через призму прикосновенности к преступлению. В связи с этим целесообразно дальнейшее исследование как указанного уголовно-правового института в целом, так и его структурных элементов с учетом современной криминогенной ситуации и на базе новейших научных достижений.

Библиографический список

1. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть / А. В. Наумов. — М.: Юрист, 1996. — 387 с.
2. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права. / Ж.-Л. Бержель. — М., 2000. — 563 с.

3. Курс российского уголовного права. Общая часть / под общей редакцией В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М. 2001. – 413 с.
4. Согласно ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987. – 748 с.
6. Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. – 327 с.
7. Эта юридическая категория используется в нормах Жилищного кодекса РФ (см., например, ч. 1 ст. 69 ЖК).
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 3
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 4
10. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 8
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 7

K.N. Serezkhina

**PROBLEMS OF PERFECTION CRIMINAL LEGISLATION ABOUT
RESPONSIBILITY FOR CONCEALMENT
OF CRIME AND PRACTICE OF HIS APPLICATION**

The article dedicated to problems of legislative regulation and qualification of concealment of a crime. Considering a concealment of felony crime as a part of conception of implication in a crime, the author points out on imperfection of normative definition of concealment of crime and difficulties, concerned with application this body of crime. For the purpose of negotiation named disadvantages the author submits possible variant of perfection criminal law.